

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
О НАГАЙБАКАХ
И. Р. Атнагулов

RUSSIAN RESEARCHERS OF THE NAGAIBAKS
IN THE 2ND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES
I. R. Atnagulov

Данная статья является историографическим обзором литературы о нагайбаках второй половины XIX – начала XX вв. Этот промежуток времени в истории нагайбаков является важным потому, что именно с середины XIX в. произошло их географическое обособление от материнского этноса, что повлияло на формирование особого группового самосознания. Русские исследователи этого периода – П. И. Небольсин, В. Н. Витевский, Е. А. Бектеева, Ф. М. Стариков и др. – обратили внимание на данную группу и зафиксировали целый ряд очень важных этноидентифицирующих признаков нагайбаков. В работе П. И. Небольсина слово «нагайбаки» впервые прозвучало как этноним. Практически все авторы ставят вопросы о происхождении нагайбаков, предлагая в основном две версии. Согласно первой, нагайбаки являются потомками казанских крещёных татар, согласно другой версии – нагайбаки имеют тесные генетические связи с выходцами из Ногайской Орды. Свои предположения авторы подкрепляют данными по материальной и духовной культуре, а также хозяйственной деятельности нагайбаков.

This paper is an overview of the historiography of the Nagaibaks in the 2nd half of 19th – early 20th centuries. This period of time in the history of the Nagaibaks is important because it is from the middle of the 19th century that their geographical isolation from the mothers ethnic group began, which influenced the formation of the special group identity. Russian researchers of this period – P. I. Nebolsin, V. N. Vitevsky, E. A. Bekteeva, F. M. Starikov and others drew attention to the group and recorded a number of very important features – ethnic identity signs. In the work of P. I. Nebolsin the word "Nagaibaks" first appeared as an ethnonym. Almost all the authors raise questions about the origin of the Nagaibaks, offering mainly two versions. According to the first, the Nagaibaks are descendants of the baptized Tatars of Kazan; according to the other version, the Nagaibaks have close genetic relationships with the people of the Nogai Horde. The authors prove their assumptions with data on material and spiritual culture, as well as economic activity of the Nagaibaks.

Ключевые слова: нагайбаки, крещёные татары, ногайцы, оренбургские казаки.

Keywords: Nagaibaks, baptized Tatars, Nogai, Orenburg Cossacks.

Во второй половине XIX – начале XX в. в российской научной литературе и периодике появляется целый ряд публикаций о нагайбаках Оренбургской губернии. Этот промежуток времени в историографии нагайбаков совпадает с периодом, когда они географически отделились от материнского этноса – волгоуральских татар, что повлияло на их дальнейшую судьбу и сформировало особое самосознание.

В середине XIX в. о нагайбаках впервые как о самостоятельном этносе упомянул П. И. Небольсин [7, с. 21 – 22]. Ссылаясь на сообщения астраханских татар, он пишет об участии ногайцев в формировании нагайбаков. По заданию ИРГО автор в 1851 г. отправился в Оренбургскую и Астраханскую губернии. Часть его путешествия проходила через Верхнеуральский уезд, точнее – от Верхнеуральска через посёлки Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Велюпетровка, Кулевчи и далее до Николаевской крепости. Среди этнического состава населения края он отмечает следующие народы – русские, нагайбаки и калмыки [7, с. 21 – 22]. Перечисление народов у П. И. Небольсина, вероятнее всего, происходит по принципу убывания численности населения каждого этноса. Список народов, проживающих в казачьих поселениях, полностью отражает их этнический состав. Автор не упоминает только казахов, обитавших в степи.

В. Н. Витевским в 1897 г. была издана книга «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе». В данной работе автором отмечается слабая освещённость вопросов о происхождении и религиозном состоянии нагайбаков. Ссылаясь на различные источники, например книги П. И. Рычкова и другие документы XVIII в., он отмечает, что в состав нагайбаков проникали выходцы из киргизского плена, но в основном он считает нагайбаков потомками казанских татар [2, с. 439 – 440]. Версия В. Н. Витевского о том, что нагайбаки являются потомками арских татар, в основном мурз, принявших крещение сразу после 1552 г., была опубликована впервые.

В. Н. Витевский собрал богатейший песенно-фольклорный материал, на основе которого им было раскрыто немало ценных сведений о повседневной жизни, одежде, пище и хозяйственной деятельности казаков-нагайбаков. Из текста доклада на IV Археологическом Съезде следует, что нагайбаки – крещёные татары, названные так по селу Нагайбак Белебеевского уезда. В религиозном быту нагайбаков заметна смесь понятий христианских с языческими. Было сообщено о жертвоприношениях, воспроизведены сказки, загадки и песни [5, с. 263]. Представленные на IV Археологическом съезде песни и загадки отражают хозяйственную деятельность нагайбаков. Здесь упоминаются орудия труда, полевые и огородные куль-

туры, особенности охоты, ремёсел, строительные материалы, наружные украшения построек, средства передвижения, одежда, домашняя утварь, изготовление сливочного масла, кормление молоком детей, культура употребления спиртных напитков [5, с. 268 – 280].

Содержание данного сообщения отразилось в других публикациях автора – в газетах «Оренбургский листок» [4] и «Волжско-Камское слово» [3]. Значительное место в публикациях занимают описание годового цикла общественных и семейных обрядов и праздников, свадебные торжества, проводы казака на службу, погребально-поминальные и т. п. В «Волжско-Камском слове» сообщается о духовной культуре, хозяйственной деятельности и системе питания нагайбаков. Духовная культура рассматривается синкретично в комплексе с остальными сферами жизнедеятельности нагайбаков. В материале о празднично-ритуальной кухне исследователь сообщает о породах скота и пищевых предпочтениях. Имеются сведения о земледелии, скотоводстве, промыслах, ремёслах и других занятиях [3]. В. Н. Витевский отмечает положительную роль первого губернатора Оренбургской губернии И. И. Неплюева по вопросу об укреплении нагайбаков в православии. Он сообщает о том, что в Уфимском уезде губернатором была проведена работа по изоляции нагайбаков от мусульманского влияния и по его же распоряжению в Нагайбакской крепости была построена Троицкая церковь, ставшая форпостом миссионерской деятельности в регионе [3].

Все сведения, имеющиеся у В. Н. Витевского, получены автором от Р. Г. Игнатьева – члена Уфимского статистического комитета, И. Тимофеева – учителя фершампенуазской школы, а также от станичных атаманов [5, с. 267]. Аутентичность материала несомненна уже потому, что информантами В. Н. Витевского были респонденты, лично знакомые с жизнью нагайбаков.

В конце XIX в. было издано несколько книг Ф. М. Старикова – атамана II (Верхнеуральского) Военного отдела Оренбургского казачьего войска, уроженца Верхнеуральского уезда, крупного знатока казачьего быта. В одной из публикаций имеется материал по этнографии нагайбаков, которые, как известно, были локализованы на территории Верхнеуральского уезда [9]. Материалы, опубликованные Ф. М. Стариковым, представляют несомненную научную ценность, поскольку сам автор являлся свидетелем и участником большого числа событий в уезде. С 1881 по 1891 г. им было опубликовано четыре книги и ряд статей по истории казачества в целом и Оренбургского казачьего войска в частности.

В VII выпуске Трудов Оренбургской учёной архивной комиссии от 1900 г. было опубликовано исследование Н. М. Чернавского, где есть краткая информация о происхождении нагайбаков [10, с. 129], в основном по данным, обнаруженным в работах П. И. Рычкова. Описывая духовное состояние инородцев Оренбургской губернии, он упоминает о нагайбаках и Нагайбакской крепости как центре распространения христианства. По мнению Н. М. Чер-

навского, этногенез нагайбаков есть результат смешения крещёных татар с выбежавшими из киргизского плена азиатами [10, с. 129].

Вопрос о происхождении нагайбаков затрагивает Е. А. Бектеева [1], которая, считая их выходцами из татар, упоминает при этом и о ногайских корнях [1, с. 165]. Она считает, что в составе крестившихся татар – будущих нагайбаков, были также и татарские мурзы. Здесь же замечено, что в состав нагайбаков вошли некоторые азиатские группы, сбежавшие из казахского плена. К более ранним материалам автор добавляет, что в правление Екатерины II к нагайбакам присоединились турки и арабы из числа тех же пленников [1, с. 165]. По всей видимости, частью источниковой базы данной статьи были исследования П. И. Рычкова, П. И. Небольсина и В. Н. Витевского, поэтому работа в некоторых случаях выглядит компиляцией.

В этой же статье Е. А. Бектеева обращает внимание на хозяйство, материальную и духовную культуру, антропологические особенности, взаимоотношения нагайбаков с соседними этносами. Статья разделена на отдельные части, посвящённые жилищу и его принадлежностям, одежде, пище, быту и занятиям, семейным нравам и обычаям, проводам на службу, похоронно-поминальным обрядам и др. В отношении жилища и одежды Е. А. Бектеева усматривает татарские и русские влияния. Система питания, по её мнению, как ежедневная, так и празднично-ритуальная, не отличается от русской. Считаем, что данное замечание автора ошибочно. Подтверждение тому мы находим здесь же: большой удельный вес мясомолочной пищи. Е. А. Бектеева пишет о больших земельных наделах у нагайбаков. Участки по 30 десятин земли на человека были обычными. Также Е. А. Бектеева сообщает об особенностях хозяйственной деятельности и климатических условиях региона [1, с. 165].

Рассуждая о нагайбаках, она не уточняет, о какой конкретно группе идёт речь. Считаем, что статья была подготовлена на материале нагайбаков не только Верхнеуральского, но и Оренбургского с Орским уездов, у которых огородничество было развито в меньшей степени, по сравнению с верхнеуральской группой и компенсировалось бахчеводством. Например, Е. А. Бектеева сообщает, что огородничество за малым исключением не развито [1, с. 169], а Ф. М. Стариков говорит, что огороды у нагайбаков Верхнеуральского уезда – дело обычное [8, с. 133], а Р. Г. Игнатьев отмечал, что нагайбаки хорошие земледельцы и огородники [11, л. 96 – 97]. Ф. М. Стариков и Р. Г. Игнатьев имели в виду только верхнеуральскую группу нагайбаков. Е. А. Бектеева пишет о том, что кроме сельскохозяйственной деятельности нагайбаки должны были нести казачью службу, часто выезжая в командировки, выполнять подводную повинность, заботиться о наличии обмундирования за свой счёт.

Большую долю в статье занимает раздел о семейных нравах, обычаях и этнических характеристиках нагайбаков. Автор замечает, что в отличие от татар и казахов нагайбакская женщина более свободна, хотя в

прошлом была чуть ли в состоянии рабства. Отмечается, что браки совершаются рано, но автор не указывает возрастные ограничения. Описание свадебного ритуала, в точности повторяет материал Ф. М. Старикова. Интересны данные об архаичных и уже исчезнувших к началу XX в. семейных традициях – бесправии женщины, обычая избежания. В религиозно-духовной сфере жизнедеятельности нагайбаков Е. А. Бектеева замечает пережитки и инновации. Первые связаны с языческими представлениями, сохранявшимися у нагайбаков, вторые – с православно-христианскими. Автор внимательно наблюдает за взаимоотношениями нагайбаков с соседями – русскими, казахами, калмыками. В финальной части публикации говорится немного об оренбургско-орской группе нагайбаков, локализованных в посёлках Неженский, Ильинский, Подгорный, Гириял и Алабайтал. Автора волнует переход нагайбаков из христианства в ислам.

Писатель и этнограф М. А. Круковский посетил Южный Урал на исходе первого десятилетия XX в. и оставил этнографические материалы о нагайбаках. Он имел возможность наблюдать за северной (троицко-бакалинской) группой [6, с. 260 – 267]. Характеризуя

их, он выделил некоторые особенности, не замеченные у других территориальных групп нагайбаков. М. А. Круковскому удалось обнаружить, что северная группа не использовала как самоназвание слово нагайбак. Единственным общеупотребляемым эндоэтнонимом у них являлось «бакалы», которое, очевидно, возникло от наименования населённого пункта, из которого они переселились в 1842 г. Кроме всего прочего, М. А. Круковский сообщает, название «нагайбак» большинство из них не знает. М. А. Круковского интересует происхождение нагайбаков, степень их родства с другими народами. Со слов местного священника автор передаёт версию о башкирских и даже монгольских корнях народа [6, с. 261]. Однако сам М. А. Круковский считает нагайбаков потомками волго-уральских татар, башкир и астраханских татар [6, с. 262, 267].

Публикации российских исследователей второй половине XIX – начале XX в. фиксируют целый ряд этноидентификационных признаков нагайбаков. Принципиальная важность этих публикаций в том, что именно в этот хронологический период нагайбаки сформировались как самостоятельный этнос.

Литература

1. Бектеева, Е. А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии) / Е. А. Бектеева // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества; под ред. председательствующего в отделении этнографии В. И. Ламанского. – Вып. II. – СПб.: Типография В. И. Мещерского, 1902.
2. Витевский, В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года / В. Н. Витевский. – Казань, 1897. – 616 с.
3. Витевский, В. Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии / В. Н. Витевский // Волжско-Камское слово. – Самара, 1882. – № 72, 74, 80, 138, 144.
4. Витевский, В. Н. Нагайбаки, их песни, сказки и загадки / В. Н. Витевский // Оренбургский листок. – Оренбург, 1878. – № 14 – 17, 19, 38, 39, 45, 46, 48, 49.
5. Витевский, В. Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии / В. Н. Витевский // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. – Т. II. – Казань: Типография Императорского университета, 1891.
6. Круковский, М. А. Южный Урал. Путевые очерки / М. А. Круковский. – М.: Издание К. И. Тихомирова, 1909. – 311 с.
7. Небольсин, П. И. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край / П. И. Небольсин // Вестник ИРГО; под ред. В. А. Милютина. – Ч. IV. – Кн. I. – СПб: Тип. Э. Праца, 1852.
8. Стариков, Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты / Ф. М. Стариков. – Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1891. – 249 с.
9. Стариков, Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты / Ф. М. Стариков. – Оренбург: Типография К. Бреслина, 1890. – 180 с.
10. Чернавский, Н. М. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем. – Вып. I / Н. М. Чернавский // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Вып. VII. – Оренбург, 1900. – 346 с.
11. ГАОО, ф. 168, оп. 1, д. 40. Рукопись Р. Г. Игнатъева по этнографии Оренбургской губернии.

Сокращения:

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

Информация об авторе:

Атнагулов Ирек Равильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова, 8-912-798-11-12, i.atnagulov@mail.ru.

Irek R. Atnagulov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Ancient and Medieval History, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.